

— Позволь двѣнадцать паръ ботинокъ, двѣнадцать паръ чулокъ и бакаль вотивъ сторожу!

Приходить она къ сторожу:

— Ну, пей, оторашъ, вотку!

Еяъ вышилъ и упалъ. Она иво ударила волшебницкай рукою, а бѣъ ин проснулся.

— Ну, спить: пайдѣмъ жа нѣ таперъ.

И пошли они.

Спарачаютца наутра аттали.

— Ты што, служивай, спишь? Настояй, я паниньки скажу! Стала, такъ ты караулишь?

Приходить и къ царю,—царъ уопрашивать:

— Ну, какъ, служивай?

— Слава Богу!

— Ну, бери шъ денѣги, пей-гулий, а у печири являйся ка мнѣ!

Еяъ набралъ денѣхъ, дашель пить. Паццель, пагулять, и приходитъ апать къ царю. Пришелъ инъ царю.

— Ну, идишь, карануль таперъ. Да сматри!..

Пашель онъ караулишь. Блисъ полночи спить подымантца паревна съ сваей служанкай.

— Хрейлина!

— Чиво внолишь, барыня?

— Паянолти двѣнадцать паръ ботинокъ, двѣнадцать паръ чулокъ и два бокала вотивъ!

А еяъ всѣ предаставила ей. Придаставила, подонила и гыртъ:

— Ну пей, служивай!

Онъ вышилъ и ударился <sup>1)</sup>.

Она иво ударила два раза волшебницкай рукою.

— Ну, спить: таперъ пайдѣмъ!

Ишли они.

Вазвращаютца наутра, а бѣъ спить—служивай.

— Ты што, олуживай, спишь? Стала, такъ-та каранулишь? Пагади, я паниньки скажу!..

Приходить и-къ царю. Царъ и гаварить:

— Ну, какъ, служивай, дѣла?

— Слава Богу!

— Ну, иди, послѣдній день, сматри! Бери денѣхъ, иди.

Набралъ денѣхъ и пашель. Приходить, сѣлъ и пакуралон <sup>2)</sup>. Подъивлянтца бродяжка и спраивантъ:

Што ты, служивай, пакуралон?

Ды какъ мнѣ ин тужить? Пастѣдній день каранули: съ мене галаву далой, если ин укаравулю я. Два дня каранулишь—ин укаравулишь, а на третій день навяръ укаравулишь.

<sup>1)</sup> Умръ.

<sup>2)</sup> Садѣлъ печальма.